

Не поэт, я – партизан, казак...

Поэт, прозаик, военный – именно в такой последовательности аттестован Давыдов в самом авторитетном, пожалуй, для профессионального филолога биографическом словаре «Русские писатели.1800-1917 гг.». Можно было бы добавить в этот ряд совсем не терминологическое – *герой своего времени*. Причем, как буквально, имея в виду славную армейскую биографию Давыдова, включавшую в себя практически все известные военные кампании своего времени, так и фигурально – биографию в литературе.

Я не поэт, я – партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...

Давыдов горделиво именовал себя «одним самых поэтических лиц русской армии». Но если, перефразируя, взять шире – одним из самых поэтических лиц русской литературы эпохи романтизма, отличавшимся крайне нетривиальным поведением в кругу близких ему литераторов. Первые стихотворные упражнения Давыдова были выполнены в жанре басни, в котором он не преуспел и в зрелой поре никогда к этому жанру не возвращался. Между тем, уже в этих баснях («Голова и ноги», «Река и зеркало», «Орлица, турухтан и тетерев») проявились некоторые тенденции (динамичность повествования, афористичность, простота), которые в полной мере разовьются в его знаменитых гусарских стихах, сразу сразивших читателей распахнутостью и безыскусностью чувств .

Это не значит, что у Давыдова не было предшественников. Были. Но лишь в творчестве Давыдова будет сделан такой сильный упор на личный склад характера, на то, что можно назвать *натурой*. Как точно скажет И.Семенко, одна из лучших толкователей творческого наследия писателя, давыдовский поэт-гусар – первая «отчаянная», «лихая» натура в русской поэзии и прозе. И это открытие стало самой сильной прививкой против подражательных тенденций, охвативших русскую культуру в предпушкинскую эпоху.

Давыдов прекрасно усвоил, пишет еще один знаток его творчества В. Вацуро, эстетику романтического жизнестроения и видел поэзию во всем том, что выходило за уровень житейской ординарности и размеренности, прославляя воинское вдохновение Суворова и Наполеона, партизанскую войну – в противовес обдуманному и рассчитанному движению регулярных войск, грубоватую непосредственность эмоции и выражения – в противоположность светскому этикету. Вспомним хотя бы знаменитое четырехстрочное послание «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»:

Мы несем едино бремя.
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я оставлен на убой.

Не прошла незамеченной сознательная прозаизация Давыдовым устоявшегося поэтического языка («французишки гнилые», «подписать отставку милой», «рухнулся», «чтимый выродком», «и крестятся ведьмы, и тошно чертям» и т. п.). Но при этом, как заметил еще В. Белинский, «все, что у других так пошло, притворно, безвкусно, оскорбительно для чувства... у Давыдова получает значение, преисполняется жизнию, облагораживается формою... отчаянная смелость иного выражения... становится энергетическим порывом могучего чувства, которое, сознавая свое достоинство, не заботится об условном приличии, но *хлещет* чопорную пошлость и ничтожество прямо по лицу и чем попало».

Не это ли определяющее в своей основе качество *личности* Давыдова-писателя - *сознание собственного достоинства, вопреки всяким условностям* – имел в виду Пушкин, когда писал, вспоминая свое лицейское ученичество, что он «дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным»?

И не о том же самом, не в частностях, а в принципе, писали так любившие его поэты-современники? Например, Вяземский («На барскую ты половину ходить с поклоном не любил, и скромную свою судьбину ты благородством золотил. Врагам был грозен не по чину, друзьям ты не по чину мил...») или Баратынский («Покуда русский я душою, забуду ль о счастливом дне, когда приятельской рукою пожал Давыдов руку мне! О ты, который в пыл сражений полки лихие бурно мчал и гласом бранных песнопений сердца бесстрашных волновал»).

В сравнении с мемуарно-автобиографической прозой, Давыдов стихов написал не так много, если не сказать, недопустимо мало для классика – до нас не дошло и ста произведений. Среди них дополнительно выделяют элегический цикл 1814-1817 гг. и лирику двадцатых-тридцатых годов, написанную от лица уже «старого гусара». Давыдов пытался обновить жанр любовной элегии в духе любимой им гусарщины, и это наложило на его стихи печать своеобразия, отличающего их от элегической лирики Батюшкова и Жуковского. Элегический герой Давыдова страстен, а не уныл и не мечтателен. В «поздних» стихах образ героя меняется, хотя суть остается той же самой. Теперь это уже не юный «удалец», а «пожилой вояка», умудренный житейским опытом, переживший не только упоение в бою и в страсти, но и выпивший полную чашу обид и унижений.

Подводя итог, сошлемся еще на одного крупнейшего литературоведа Г. Гуковского, который отмечал, что Денису Давыдову удалось создать настолько яркий и точно очерченный образ героя своих стихотворений, образ самого себя, что в этом образе элементы его биографии нерасторжимо переплелись с чертами его поэтического персонажа.

Я каюсь: я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов все раб младой привычки;
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского отмычки.
.....
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки? – Вейся, дым на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволье!

Денис Давыдов

Песня

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской
Сабля, водка, конь гусарский
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем - рубиться молодцами,
Вечерком - горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

Уроки «давыдовского» своеволия будут усвоены не только Пушкиным, но практически всеми крупными поэтами, составившими как ядро пушкинской плеяды, так и ее периферию. Но создать фигуру, равновеликую его лихому, забубенному лирическому герою-полусолдату, полупоэту, пишущему стихи «на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн» - не удастся более ни одному русскому поэту, ни в XIX, ни в XX веке.

Александр Рассадин

рис. А. Кузнецова